

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Семейный звуколандшафт	5
Переселения	6
Коробка I	49
Маршруты и корни	52
Коробка II	101
Бездокументные	104
Коробка II	157
Без вести пропавшие	159
Коробка IV	207
Переселения	210
 Часть II. Реконструкция	 257
Депортации	258
Карты и коробки	287
Коробка V	321
Континентальный водораздел	339
Потерянные	363
 Часть III. Страна апачей	 381
Пыльные долины	382
Сердце света	388
Каньон Эха	405
 Часть IV. Архив потерянных детей	 433
Коробка VI	434
Документ	438
Коробка VII	445

Майе и Дилану, заново открывшим мне детство

ЧАСТЬ I

**СЕМЕЙНЫЙ
ЗВУКОЛАНДШАФТ**

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Архив изначально предполагает наличие архивариуса, чья задача собирать и систематизировать.

Арлетт Фарж

Уехать означает немножко умереть.

Приехать никогда не означает приехать окончательно.

Из молитвы мигранта

ОТЪЕЗД

Раскрыв навстречу солнцу рты, они спят. Мальчик и девочка, на лбах бисеринки пота, на раскрасневшихся щеках белесые разводы засохшей слюны. Они занимают собой все пространство заднего сиденья, они разметались во сне, руки-ноги широко раскинуты, отяжелевшие и безмятежные. Со своего пассажирского сиденья я то и дело оборачиваюсь проверить, как они, потом разворачиваюсь и снова сосредоточенно изучаю карту. Мы ползем в тягучем, как лава, потоке машин на выезде из города через мост Джорджа Вашингтона и вливаемся в движение по федеральной автостраде. Над нами в вышине летит самолет, оставляя длинную ровную борозду в безоблачной сини небес. За рулем мой муж, он поправляет шляпу и тыльной стороной ладони оттирает лоб.

СЕМЕЙНЫЙ ЛЕКСИКОН

Не знаю, что муж и я скажем каждому из наших детей, когда придет время. Как не уверена в том, какие части нашей истории каждый из нас решит изъять из общей канвы или перемонтировать для их ушей, а какие на время отложить и вставить уже в окончательную версию, хотя изъятия, перестановки и монтаж звуков, пожалуй, точнее всего характеризуют занятие, которым мы с мужем зарабатываем на жизнь. Но дети все равно спросят, потому что дети всегда спрашивают. И нам потребуется рассказать им, с чего все начиналось, как развивалось и чем закончилось. Потребуется выдать им внятную историю, как все было.

Вчера, как раз накануне нашего отъезда из Нью-Йорка, мальчику исполнилось десять лет. Мы не подкачали с подарками. Тем более что на сей счет он высказался очень ясно и категорично.

Никаких игрушек.

Девочке пять, и она уже несколько недель изводит нас вопросами, вполне себе настойчиво:

А мне когда исполнится шесть?

Что бы мы ни говорили, наши ответы она неизменно находит неудовлетворительными. И потому мы обычно отделяемся чем-нибудь неопределенно-уклончивым вроде:

Уже скоро.

Через несколько месяцев.

И оглянуться не успеешь.

Девочка — моя родная дочь, а мальчик — родной сын мужа. Я прихожусь биологической матерью одной и мачехой другому, но по факту я в общем и целом мама им обоим. Соответственно, мой муж приходится отцом одному и отчимом другой, но в общем и целом он для обоих папа. Таким образом, друг другу и нам девочка и мальчик приходятся: сводной сестрой, сыном, падчерицей, дочерью, сводным братом, сестрой, пасынком и братом. Обилие этих тонких родственных подробностей сильно затрудняет грамматику повседневного общения — «моя», «твой», «их», — и потому, как только мы зажили одной семьей, мальчику тогда почти сравнялось шесть, а девочка только-только училась ходить, мы выбрали куда более простое и универсальное притяжательное местоимение «наши». И получилось: «наши дети». Иногда «наш мальчик», «наша девочка». Дети быстро усвоили правила нашей семейной грамматики и дали нам с мужем немудрящие имена нарицательные: «мама» и «папа», а иногда просто «ма» и «па». Так что наш семейный лексикон, во всяком случае до сих пор, определял сферу и границы нашего общего мира.

СЕМЕЙНАЯ ФАБУЛА

Мы с мужем познакомились четыре года назад, когда записывали звуковой ландшафт Нью-Йорка. Мы входили в большую команду, работавшую на Центр городских исследований и прогресса при Нью-Йоркском университете. Предполагалось, что для создания звуколандшафта мы будем отбирать и записывать характерные шумы повседневной жизни города и звуковые приметы Нью-Йорка: скрежет тормозящих у станций составов подземки, музыку в длинных подземных переходах под 42-й улицей, проповеди священников в Гарлеме, звон колокола, а также гул, шепоты и ропоты в помещении фондовой биржи на Уолл-стрит. Плюс к тому нам ставилась задача исследовать и систематизировать прочие городские звуки, обыденные и зачастую не замечаемые: звяканья открывающихся и закрывающихся кассовых аппаратов в гастрономах, отголоски дневной репетиции в пустом зрительном зале какого-нибудь из бродвейских театров, всплески возмущаемых подводными течениями вод Гудзона, крики канадских казарок, стаями кружащих и гадающих над парком Ван-Кортландт, скрип качелей на детских площадках в парке Астория, вжиканья пилкок в руках пожилых маникюрш-кореенок, подпиливающих ноготки богатеньким клиенткам в Верхнем Вест-Сайде, треск огня, пожирающего ветхий многоквартирный дом в Бронксе, поток матюков, изрыгаемых случайным прохожим в адрес другого случайного прохожего. На проекте работали журналисты, звуковые художники, географы, урбанисты, писатели, историки, акустемологи, антропологи, музыканты и даже батиметристы, которые погружали свои хитрые приборы, называемые многолучевыми эхолотами, в омывающие Нью-Йорк воды, чтобы промерять глубины рек, профили их русел и бог знает что еще. Все мы, разбившись на пары или маленькие группки, по всему городу исследовали и записывали образцы звуковых волн, точно документировали последние издыхания исполинского зверя.

Нас поставили в пару и поручили записывать все языки, на каких только говорили в городе, на протяжении четырех календарных лет. В описании наших обязанностей уточнялось: «обследовать самый лингвистически многообразный мегаполис планеты и произвести картирование всех до единого языков, на которых говорит взрослое и детское население». Как выяснилось, мы неплохо справлялись с поставленной задачей; может, даже и по-настоящему хорошо. Из нас двоих получилась отличная команда. Мы проработали всего несколько месяцев и вдруг влюбились друг в друга — влюбились по самые уши, безоглядно, предсказуемо и очертя голову, как утес мог бы влюбиться в птицу, не задумываясь, где он, а где птица. И когда наступило лето, мы решили жить вместе.

У девочки, понятное дело, никаких воспоминаний об этом периоде не сохранилось. Зато мальчик говорит, что помнит, как я все время ходила в старом синем кардигане, потерявшем пару пуговиц и доходившем мне до колен, и еще что иногда, когда мы ездили подземкой или автобусами — где почему-то всегда гуляли холодные сквозняки, — я снимала кардиган и как одеялом укрывала его и девочку, а кардиган пах табаком и колосся. Съехаться мы решили как-то с бухты-барахты — пускай скоропалительное, безрассудное и бестолково-суматозное, это решение было прекрасным и подлинным, как сама жизнь, когда не задумываешься о последствиях. Мы организовались в собственное племечко. А затем явились последствия. Мы перезнакомились с родней друг друга, поженились, начали подавать совместную налоговую декларацию, превратились в семью.

НАЛИЧНОЕ ИМУЩЕСТВО

На передних сиденьях: муж и я. В бардачке: страховой полис, документы на машину, руководство по эксплуатации и карты дорог. На заднем сиденье: двое детей, их рюкзаки, коробка

одноразовых салфеток и синяя сумка-кулер, а в ней — бутылочки воды и скоропортящиеся снеки. В багажнике: моя маленькая спортивная сумка с цифровым диктофоном «Сони РСМ-D50», наушниками, проводами и запасными батарейками; его огромный профессиональный кофр для звукового оборудования «Порта-брейс» и в нем — микрофонная удочка, микрофон, наушники, ворох кабелей, антенна «цеппелин», лохматая ветрозащитная насадка на микрофон из искусственного меха и мощный цифровой аудиорекордер 702T. А также: четыре чемоданчика с нашей одеждой, семь картонных коробок для документов (размерами 15 × 12 × 10 дюймов¹) с утолщенным дном и прочными крышками.

КОВАЛЕНТНОСТЬ

Как бы мы ни старались сплотиться, нас вечно терзает беспокойство по поводу места каждого из нас в семье. Мы как те невнятные молекулы из школьного курса химии с ковалентными связями вместо положенных ионных — или наоборот, кто ж его помнит? Мальчик потерял биологическую мать при рождении, правда, мы этой темы никогда не касаемся. Муж озвучил мне этот факт одним предложением еще на заре наших отношений, и я сразу поняла, что он категорически против дальнейших расспросов. Я и сама не терплю вопросов о биологическом отце девочки, так что мы двое нерушимо соблюдаем взаимный обет молчания по поводу этих подробностей нашего прошлого и прошлого наших детей.

Наверное, все эти фигуры умолчания разжигают в наших детях охоту слушать истории о самих себе в контексте нашего семейного «мы». Им подавай все до единой подробности о том, как оба они стали нашими общими детьми,

¹ 38 × 30 × 25 см. Здесь и далее прим. пер.

а все мы вместе — одной семьей. Своей настырной любовью они напоминают антропологов, изучающих космогонические нарративы, хотя и не без некоторого налета самолюбования. Девочка требует, чтобы ей снова и снова рассказывали одни и те же истории. Мальчик спрашивает о моментах их общего с девочкой детства, как будто они случились десятки, если не сотни лет тому назад. Вот мы и рассказываем. Рассказываем все истории, какие только сохранили в памяти. И как всегда, стоит упустить хоть малую частицу повествования, перепутать какую-нибудь подробность или на свою голову хоть на йоту отклониться от запомнившейся им версии событий, они сразу ловят нас на неточности и решительно прерывают, требуя заново пересказать всю историю, с самого начала и на сей раз уж как полагается. И мы послушно отматываем назад наши воспоминания и снова пересказываем их с самого начала.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ МИФЫ

Наше общее житье-бытье началось с новой, почти пустой квартиры и накрывшей город волны зноя. В наш первый вечер в квартире — той же самой, из которой мы только что уехали, — мы четверо, раздевшись до исподнего, сидели на полу в гостиной, потные и измотанные, пытаясь за неимением посуды удержать на ладонях куски пиццы.

Мы только что закончили распаковывать наши пожитки и кое-какие новые приобретения: штопор, четыре подушки, средство для мытья окон, две небольшие рамки для фотографий, гвозди и молоток. Затем измерили рост детей и сделали первые отметки на стене в прихожей: 33 дюйма и 42 дюйма¹. Следующим пунктом вбили на кухне два

¹ 83,8 и 106,7 см соответственно.

гвоздя и развесили на них открытки, украшавшие наши прежние, отдельные, жилища: на одной — фотопортрет Малкольма Икса¹, сделанный незадолго до его убийства, где он сидит, слегка оперев голову на правую руку, и напряженно смотрит на кого-то или что-то; на второй — Эмилиано Сапата² горделиво выпрямился перед объективом в полный рост, в одной руке винтовка, другая сжимает эфес сабли, через плечо шарф, грудь крест-накрест стянута патронной лентой. На защитном стекле открытки с Сапатой сохранился налет въевшейся грязи — или это была жирная копоть? — из моей старой кухни. Обе открытки мы повесили рядом с холодильником. Но и после этих маленьких ухищрений новая квартира выглядела слишком голой, стены слишком белыми, пространство все еще чужим и необжитым.

Мальчик, жуя пиццу, обвел взглядом пустоту гостиной и спросил:

И что теперь?

Девочка, ей тогда было два года, эхом повторила за ним:

Да, что теперь?

Ни я, ни муж не нашлись что ответить, хотя оба, сдается мне, усердно напрягали извилины в поисках ответа, потому что сами чуяли, что этот вопрос витает, разматываясь незримой нитью, в пустоте гостиной.

Так что теперь? — снова спросил мальчик.

В конце концов я ответила:

А теперь ступайте чистить зубы.

Но мы же еще не распаковали наши зубные щетки, возразил мальчик.

¹ Малкольм Икс, он же эль-Хадж Малик эш-Шабазз, — афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права чернокожих. Среди сторонников Икс известен как защитник прав чернокожего населения США, попираемого, по его мнению, белыми. Был убит 21 февраля 1965 года.

² Эмилиано Сапата (1879–1919) — один из национальных героев Мексики, лидер мексиканской революции 1910 года против диктатуры Порфирио Диаса, предводитель восставших крестьян юга страны.

Ну тогда просто прополощите рты водой над раковиной и отправляйтесь спать, сказал муж.

Они вернулись из ванной и дружно заныли, что боятся спать одни в новой спальне. Мы разрешили им только на пока остаться с нами в гостиной и только если пообещают сразу лечь спать. Они заползли в большую пустую коробку и, немного повозившись, чтобы по справедливости разделить картонное пространство, уснули глубоким, крепким сном.

Мы с мужем открыли бутылку вина и покурили в открытое окно. Потом уселись на полу, молча и неподвижно, и принялись наблюдать за нашими спящими в картонной коробке детьми. С того места, где мы сидели, нам был виден лишь клубок из голов и задниц: его влажные от пота волосы и ее спутанные кудряшки; его плоский, как таблетка аспирина, задок и ее округлый, яблочком. Сейчас они напоминали пару супругов, слишком долго проживших бок о бок и слишком быстро вступивших в пору зрелости, успевших устать друг от друга, но все еще чувствующих себя уютно в компании друг друга. Они спали в полном, совершенном уединении, обособленной от мира компанией друг друга. Время от времени мальчик нарушал наше молчание, всхрапывая, как всхрапывают во сне пьяные, а девочкино тело испускало длинные, звучные ветры.

Днем они закатали такой же концерт, пока мы добирались подземкой от супермаркета до нашей новой квартиры, обставленные бесчисленными белыми пластиковыми пакетами, которые были забиты невероятной величины куриными яйцами, невероятно розовой ветчиной, органическим миндалем, кукурузным хлебом и маленькими картонками с цельным органическим же молоком — обогащенными ценными микроэлементами, питательными продуктами для нового улучшенного рациона семьи с двумя работающими супругами. Какие-то две-три минуты в вагоне, и детей сморил сон. Их головки мирно покоились на коленях мужа и моих, влажные от пота волосы спутались

и источали восхитительно солоноватый дух как от больших, с пылу с жару брецелей¹, купленных с лотка на углу, которыми мы перекусывали после супермаркета. Ангельская кротость спящих детишек плюс наша пока еще цветущая молодость придавала нам картинный вид прелестной, на зависть идеальной семейки. Как вдруг один ангелочек захрапел, второй же принялся громко пускать ветры. Те немногие пассажиры, кто не уткнулся в свои смартфоны, встрепенулись, уставились на девочку, на нас, на мальчика и заулыбались — поди знай, из сочувствия ли нам или из сообщничества с откровенным прилюдным бесстыдством наших деток. Муж как ни в чем не бывало заулыбался в ответ. Я же какие-то секунды прикидывала, как бы отвлечь от нас общее внимание, отзеркалить его: скажем, осуждающе уставиться на старикана, что дрых через несколько мест от нас, или вон на ту девицу в слишком откровенной для бега спортивной экипировке. Разумеется, ничего подобного я не сделала. Просто кивнула, то ли признавая наш конфуз, то ли смиряясь с ним, и растянула губы в вымученной встречной улыбке случайным попутчикам. Похоже, я испытала страх сродни сценическому, какой иногда накатывает во снах, где ты идешь в школу, забыв поддеть нижнее белье; как будто меня внезапно и грубо выставили напоказ кучке незнакомцев, которым случайно приоткрылась щелка в наш еще такой свежее испеченный семейный мирок.

Зато тем вечером в интимном уединении нашей новой квартиры, когда дети уже спали и раз за разом производили все те чудесные звуки — истинно чудесные, всегда нечаянные и ненарочные, — я смогла наконец сбросить груз смущения и во всей полноте оценить их. Звуки из девочкиной утробы, отскакивая от стенок картонной коробки,

¹ Брецель — штучное булочное изделие, сдобный кренделек, посыпанный крупной солью; популярная закуска.

усиливались и незримиыми волнами гуляли по почти пустой комнате. Вскоре мальчик в забытии своего глубокого сна расслышал девочкины «разговоры» — или так нам показалось — и откликнулся горловыми сопениями и бурчаниями. Муж особо заострил факт, что перед нами случай употребления одного из языков, составляющих звуковой ландшафт города, притом, надо признать, в идеально закольцованном разговоре.

То рот отвечает на реплики задничной дырочки.

На какой-то момент я подавила позыв расхохотаться и тут заметила, как муж задерживает дыхание и жмурится в попытках не заржать. Мы, надо думать, укурились чуточку сильнее, чем нам представлялось. Тогда я дала себе волю, и мои голосовые связки, ничем больше не сдерживаемые, разразились всхрюками и взвизгами, которые больше пристали поросенку, нежели человеческому существу. Муж внес свою лепту чередой фырков и всхлипов, крылья его носа затрепыхались, лицо собралось в складки, почти скрывшие глаза, а сам он раскачивался туда-сюда, как подбитая пиньята¹. Воистину, у большинства людей, когда они от души хохочут, вид делается устрашающий. Меня всегда пугали люди, в пароксизме смеха клацающие зубами, как всегда вызывали подозрения те, кто смеется совершенно беззвучно. От родителей мне передался некий генетический, как я думаю, дефект: он проявляется всхрапами и хрюками под занавес каждого приступа смеха — надо полагать, звуки эти настолько исполнены животного начала, что неизменно провоцируют следующий приступ хохота. А затем еще следующий, пока из глаз смеющихся не брызнут слезы и их не охватит стыд.

¹ Пиньята (*исп.* Piñata) — мексиканская игрушка в форме расписанного орнаментами горшка или фигурки животного из папье-маше или бумаги. Наполняется сладостями и конфетти и подвешивается к потолку; игра заключается в том, чтобы сбить пиньяту палкой и добыть угощение.